

— Не буду смотреть. — Е Сы внезапно почувствовал душевный упадок и какую-то необъяснимую досаду. Словно ударил кулаком в вату, а та даже не почувствовала боли. Точно так же до его перерождения три года подряд повторялись эти постоянные «Эй!» и «Угу».

Хэ Сю убрал книгу, но Е Сы так и не отвел взгляда, продолжая уставиться на него.

На этот раз Хэ Сю тоже почувствовал себя неловко. Он уперся взглядом в страницу, впав в такое замешательство, что явно ничего не воспринимал из прочитанного.

— Будешь конфету? — внезапно спросил Хэ Сю. Он отложил книгу и подцепил пальцами упаковку нежно-розового цвета.

До этого пакетик лежал на столе лицевой стороной вниз, так что видны были лишь иероглифы, но теперь, когда Хэ Сю его перевернул, Е Сы увидел на лицевой стороне несколько сочных персиков. Это оказалась упаковка фруктовых леденцов.

— Я не ем сладкое, — произнес Е Сы, почувствовав в этот момент, что звучит до чертиков хладнокровно и мужественно. Окажись рядом какая-нибудь девчонка, она наверняка сразу пала бы к его джинсам.

Хэ Сю никак не отреагировал. Он надрезал пакетик, внутри которого лежали конфеты в индивидуальных обертках, наугад достал одну и отправил в рот:

— Белый персик.

«Белый персик». Звучит совсем не так, как обычный персик. Хотя это тоже персик, но от самого названия веет благородством, изяществом, никакой вульгарности — чистая, свежая сладость...

— Точно не будешь? — Хэ Сю достал еще одну. — Попробуй, она не приторная.

Едва он заговорил, Е Сы и вправду уловил этот освежающий персиковый аромат. Не успев толком сообразить, как отказаться, он уже взял конфету.

Хэ Сю снова опустил голову к книге. Е Сы отправил леденец в рот и краем глаза заметил, как этот парень, словно у него внезапно пробудился интерес, перелистнул страницу назад и начал читать заново. А потом еще и поднял руку, поправив уголок торчащей из коробки бумажной салфетки.

Обычную салфетку он умудрился сложить так, что получился аккуратный уголок-ушко. Черт возьми, это смотрелось даже мило.

Логика Бога Учебы простым смертным поистине не понять.

На следующий день во время обеда Е Сы внезапно показалось, что атмосфера в столовой какая-то гнетущая.

— Что происходит? На школу кто-то напасть собирается? — понизив голос, спросил он у Сун И.

— Какое еще нападение, — отозвался Сун И. — Сегодня после уроков вывесят результаты, забыл? Видишь, даже наш Син-е ходит сам не свой.

— Есть одна примета, — глухо проговорил У Син, с удрученным видом уплетая рис. — Если на пробном экзамене попадешь в первые триста, то на гаокао железно пройдешь на уровень ключевого вуза, а если в первые четыреста пятьдесят — то на обычный бакалавриат. Говорят, сбывается с высокой точностью.

У Е Сы не было об этом никакого представления:

— А ты обычно на каком месте?

— В районе четырехсот пятидесятого, — вздохнул У Син. — Если в этот раз пролезу в лимит, дальше будет психологически проще.

Сун И оскалился в ухмылке:

— Да брось, Син-е, у тебя все будет путем! Ты же у нас из отряда раздолбаев.

Услышав это, У Син, кажется, расстроился еще сильнее.

Доев яичный тарт, Е Сы не удержался от очередного вопроса:

— А с какого обычно места поступают в два лучших вуза?

— В какие именно два? — взглянул на него У Син.

— Университет Цинхуа и Пекинский университет, — небрежно пробормотал Е Сы. — В какие еще.

У Син на мгновение задумался, тоже слабо представляя цифры, и спустя паузу выдал:

— С двадцатого? Ну, если посчитать самостоятельный набор, то, может, с тридцатого.

— Да ну, меньше, — махнул рукой Сун И. — На днях пришли результаты прошлого выпуска, в учебной части подсчитали, что в Университет Цинхуа и Пекинский университет в итоге поступят человек семнадцать-восемнадцать.

Е Сы тяжело вздохнул.

— Ты чего это спрашиваешь? Тебе не следует ли вместо этого беспокоиться о судьбе замыкающей группы? — поинтересовался Сун И.

Е Сы на полном серьёзе задумался и сказал:

— Я вот размышляю: если поднажать, смогу ли я туда пробиться?

Не успели эти слова сойти с его губ, как к его лбу прикоснулась чья-то ладонь. Сун И с лицом, полным ужаса, воскликнул:

— Да вроде не горячий... Черт, ты чего в последние дни постоянно бредишь? Хочешь, я схожу с тобой в больницу, проверимся?

— Пошел прочь, — Е Сы не удержался от смеха и смахнул его руку. — Не трогай меня. Я гомофоб, терпеть не могу, когда мужики ко мне распускают руки.

Сун И с обиженным видом отсел на соседний стул:

— Я ведь нежный цветок, а ты мной брезгуешь... Ы-ы-ы!

Е Сы скривился от отвращения и едва не запустил в него палочками для еды. У Син рядом хохотал так, что не мог разогнуться, и весь его прежний сплин мигом улетучился.

Е Сы с детства не любил, когда до него кто-то прикасался, особенно парни — от малейшего касания его начинало воротить. С Сун И и У Сином они привычно дурачились, толкались и могли обняться за плечи — это было нормально. Но когда кто-то делал это резко и намеренно, у него возникало глухое раздражение.

Он сам окрестил это гомофобией. В первом классе старшей школы был один парень со стрижкой в стиле «шамате» — то ли ему нравились парни, то ли девчонки, то ли он просто любил работать на публику, — но когда он подошел и похлопал Е Сы по плечу, тот без лишних слов выкрутил ему руку до вывиха.

Густой и громоподобный клич: «Я гомофоб! Проваливай!!» — эхом пронесся по всей Инчжун. А когда во втором классе было распределение по профилям, тот парень, узнав, что Е Сы остается на физико-математическом направлении, без лишних разговоров сбежал на гуманитарное.

«Брат Е у нас парень суровый: гомофоб жесткий, слов на ветер не бросает», — У Син уважительно сложил ладони в приветствии.

В третьем году старшей школы первый этап повторения представлял собой устранение пробелов в знаниях — учителя всех предметов вели учеников с самого первого учебника. По идее, этот этап должен был быть наиболее полезным для Е Сы, однако, изо всех сил попытавшись отсидеть один урок, он окончательно сдался.

Мало того что материал был скучным и сложным, так еще и стояла дикая жара. Голос учителя смешивался с белым шумом потолочного вентилятора и шелестом перелистываемых страниц, превращаясь в эпическую колыбельную.

Е Сы лежал на столе, то проваливаясь в сон, то просыпаясь, а в поле его зрения оставалась книга Хэ Сю «Как японскому мастеру приготовить идеальную миску рамэна». Бог Учебы, то ли получив стресс от пробного экзамена, то ли по иной причине, целый день не слушал уроки и дочитывал последние страницы этой непрофильной книжонки.

Е Сы казалось, что он проспал целую вечность, когда сквозь пелену сна до него наконец донесся звонок. По коридору с криком пробежал какой-то парень:

— Результаты вывесили! Вперед, народ!

— Вперед!! — отозвались десятки голосов из коридоров и классов.

Классный руководитель постучал по кафедре:

— Не толпитесь у стенда! Вывесили пока только общий рейтинг. Я сейчас сбегаю в учебную часть за ведомостью нашего класса, потерпите немного и посмотрите свои результаты тут.

Терпеть никто не собирался. Не успел он договорить, как класс опустел больше чем наполовину.

Е Сы поднялся со стола. От долгого сна половина лица онемела, а в теле ощущалась слабость. Он на мгновение растерялся, глядя на опустевший класс, — даже Сун И умчался за компанию, — и вдруг осознал, что рядом остался еще один живой человек.

Хэ Сю не ушел.

И не просто не ушел: когда Е Сы проснулся, Хэ Сю слегка замер, а спустя пару секунд вытащил ту самую салфетку с загнутым угольным ушком и протянул ее.

— Вытри, — сказал Хэ Сю.

— Что вытереть? — Е Сы все еще не до конца очнулся. Лишь через пару секунд до него дошло, он провел рукой по онемевшей щеке и нащупал влагу.

Черт.

Вот это опозорился так опозорился!

Е Сы резко выхватил салфетку и стал судорожно вытирать лицо, а закончив, засунул ее за воротник, чтобы промокнуть шею. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Не от болезни, а от обычного испуга, когда резко просыпаешься в неловкой ситуации.

Когда он закончил вытираться, Хэ Сю опустил взгляд, перевернул последнюю страницу книги и закрыл ее с задней обложки.

Казалось, после прочтения книги у него поднялось настроение. Е Сы даже показалось, будто он заметил на его губах легкую ухмылку — хоть она и промелькнула лишь на мгновение, это точно была не галлюцинация.

Хэ Сю, похоже, улыбался крайне редко. Этот человек всегда оставался холодным и неприступным, держался отстраненно. Даже выпендривался он ненавязчиво — до вчерашнего дня Е Сы и не подозревал за ним этой черты, полагая, как и все вокруг, что у того просто сдержанный характер и естественный ореол гениальности.

Но улыбка ему действительно шла. У него были невероятно длинные и прямые ресницы, и в тот короткий миг, когда он улыбнулся, на каждой ресничке словно вспыхнула крошечная искорка. Этот всплеск света исчез мгновенно, и пусть это было лишь иллюзией, на душе от такого зрелища становилось тепло.

Хэ Сю убрал книгу в ящик стола и достал новую. На обложке значилось: «Банк задач для олимпиад по физике».

Е Сы перевел дух, почувствовав, что все снова вернулось в норму.

Ну вот. Хватит понтоваться, Богу Учебы тоже нужно учиться, как-никак уже третий год старшей школы.

— Ты не пойдешь посмотреть результаты? — спросил Хэ Сю, открывая новую книгу.

Раньше у Е Сы не было привычки бегать за оценками — все равно каждый раз он оказывался на последнем месте. Но в этот раз все было иначе, в этот раз посмотреть стоило.

Поэтому он ответил:

— Пойду, конечно. А ты не идешь?

Хэ Сю встал, давая ему пройти через заднюю дверь:

— Не пойду. Там нет никакой интриги.

«...»

Е Сы, уже собравшийся подняться со стула, едва не растянулся от такой небрежной самоуверенности. Он покашлял, скрывая неловкость, и перед тем как выйти наружу, краем глаза заметил нечто странное.

«Банк задач для олимпиад по физике».

Открываем...

А внутри — оригинальный японский манга-том Сакураги Ханамити.

Е Сы: «...»

Хэ Сю даже не заметил, что кое-кто застрял у задней двери, и уже с головой ушел в чтение. Лишь спустя довольно долгое время он перелистнул страницу — раз в десять медленнее, чем когда утром проглядывал раздаточные материалы от учителей.

<http://bllate.org/book/18378/1766680>